

УДК 343.6 + 347.991(470)
ББК Х408.111(2) + Х711.11(2)

А. Г. Меньшикова

СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ ВИНОВНОГО К ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

A. G. Menshikova

SUBJECTIVE ATTITUDE OF A PERSON FOUND GUILTY TO EXTREME ATROCITY IN COMMISSION OF A CRIME

В статье проводится анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве» и № 11 от 15.06.2004 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ» в части разъяснения вопроса о субъективном отношении виновного к проявлению особой жестокости при совершении данных преступлений. Автор также исследует различные точки зрения, существующие в науке уголовного права, относительно восприятия субъектом особой жестокости при совершении различного рода преступлений. Проводится анализ приговоров судов общей юрисдикции Российской Федерации, в которых лица признавались виновными в совершении умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью с особой жестокостью, содержащие судебную аргументацию в части вменения указанного признака. Автор приходит к выводу, что субъективное отношение виновного к особой жестокости при совершении преступления характеризуется осознанностью причинения особых страданий потерпевшему. При этом указанную формулировку рекомендует рассматривать в качестве универсального шаблона в установлении содержательного компонента вины для различного рода преступлений.

Ключевые слова: особая жестокость, Верховный Суд РФ, вина, осознанность.

The article analyzes two decisions of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 as of 27.01.1999 «On judicial practice in cases of murders», and No. 11 as of 15.06.2004 «On judicial practice in cases involving crimes provided by the Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation» in clarification of the question of subjective attitude of a person found guilty to the manifestation of extreme atrocity in crime commission. The author also explores the different points of view which exist in the science of criminal law, in relation to the perception of the subject of extreme atrocity in commission of various crimes. The verdicts of courts of general jurisdiction of the Russian Federation in which individuals were found guilty of intentional infliction of severe or moderate harm to the victim's health with extreme atrocity and which hold judicial reasoning argumentation the imputation of this trait are subject of a thorough analysis. The author comes to conclusion that the subjective attitude of the person found guilty to extreme atrocity in crime commission is characterized by awareness of causing much suffering of the victim. In this case, this statement is recommended to be regarded as a universal template to establish a meaningful component of guilt for various crimes.

Keywords: special cruelty, the Supreme Court of Russian Federation, wine, awareness.

Любое обстоятельство, которое может повлиять на квалификацию преступления, должно исследоваться не только в объективном, но и в субъективном направле-

нии, т. е. необходимо исследовать и совокупность фактов, свидетельствующих об отношении виновного к нему. Данное утверждение, безусловно, относится и к

104

Уголовно-правовая
доктрина

особой жестокости, которая используется законодателем при конструировании уголовно-правовых норм в качестве квалифицирующего признака и отягчающего наказания обстоятельства. Без выяснения данных о форме, виде и соответственно содержания вины виновного по отношению к особой жестокости при совершении преступления нельзя, по нашему убеждению, считать обстоятельства такого преступления установленными с необходимой полнотой.

Уголовный закон при оперировании рассматриваемым понятием не уточняет, какое должно быть восприятие субъектом проявления особой жестокости. Отдельные рекомендации по данному вопросу можно найти в разъяснениях высшей судебной инстанции по отдельным категориям преступлений. Так, в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве» указывается, что «для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью»¹. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 15.06.2004 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ» фактически повторяется предыдущая рекомендация, в частности, в пункте 12 отмечается, что «при квалификации таких действий по признаку особой жестокости необходимо устанавливать умысел виновного лица на причинение потерпевшим лицам особых мучений и страданий»².

Таким образом, просматривается единая позиция Верховного Суда РФ в части указания на умышленное отношение виновного к особой жестокости при совершении преступления, что, безусловно, положительным образом в целом влияет на практику применения уголовного закона.

При рассмотрении конкретных уголовных дел правоприменитель, в определенной степени учитывая разъяснения Верховного Суда РФ, при постановлении обвинительного приговора в мотивировочной части также указывает лишь на умышленный характер восприятия подсудимым содеянного. Так, из проанализированных нами судебных решений в 27,4% случаях суд использует такие описания вины, как «реализуя свой умысел», «свидетельствует о наличии умысла», «умышленно осуществил»³.

Использование понятия «умысел» без разъяснений его содержания как на уров-

не разъяснений Верховного Суда РФ, так и при рассмотрении конкретных уголовных дел нижестоящими судами общей юрисдикции представляется нецелесообразным. Такие формулировки не вносят ясности в определение вида и соответственно содержания вины, что затрудняет установление истинного отношения виновного лица ко всем признакам состава преступления, влияющим на наличие и объем уголовной ответственности.

В связи с этим немаловажное значение по рассматриваемому нами вопросу приобретают рекомендации, выработанные наукой уголовного права. Анализ уголовно-правовой литературы показывает, что среди ученых нет единого мнения по поводу субъективного отношения виновного к особой жестокости при совершении преступления. Все высказанные точки зрения, на наш взгляд, с определенной долей условности можно сгруппировать в три блока на основе общих признаков⁴.

Позиция ряда ученых базируется на том, что преступление с особой жестокостью возможно с двумя видами умысла, причем отношение виновного к преступлению и особой жестокости не обязательно должно быть одинаковым, т. е. виды умысла могут не совпадать⁵. Т. В. Кондрашова применительно к убийству отмечает, что по отношению к смерти возможен и прямой и косвенный умысел, но отношение субъекта к применяемому способу лишения жизни может выражаться только в прямом умысле⁶. С. В. Бородин отмечает, что виновный тогда действует с особой жестокостью, когда осознает характер действия, желает или сознательно допускает наступивший результат, которым является особая жестокость⁷.

Такое понимание связывается с тем, что особую жестокость указанные авторы характеризуют главным образом как результат поведения виновного, что, нам представляется нецелесообразным, так как особая жестокость находит свое отражение в первую очередь в объективных признаках состава преступления, таких, как способ или обстановка его совершения. При этом утверждение, что при совершении преступления с особой жестокостью виновный действует с двумя умыслами, одним — по отношению к преступлению, а другим — по отношению к особой жестокости своих действий, противоречит основам учения о вине в уголовном праве. Двух видов умысла при совершении одного преступления быть не может.

Хотя следует отметить, что в правоприменительной практике судов общей юрисдикции встречается подобная характеристика субъективного отношения виновного к особой жестокости при совершении преступлений. Так, из проанализированных нами судебных решений суд при вынесении обвинительного приговора раскрывает отдельно содержание вины подсудимого применительно к особой жестокости, указывая в 9% случаях, что «осознавал, что причиняет особые страдания, и желал этого», в 18,1% случаях ограничивается лишь указанием на «желание причинить особые страдания». И при этом суд устанавливает параллельно вину подсудимого непосредственно к самому преступлению, где особая жестокость выступает квалифицирующим признаком.

На наш взгляд, преступление с особой жестокостью совершается только с одним умыслом, направленность и содержание которого должны устанавливаться в каждом конкретном случае и рассматриваться в едином отношении виновного ко всем признакам состава преступления.

В основе другой позиции лежит утверждение, что преступление с особой жестокостью может быть совершено только с прямым умыслом и со специальной целью — причинить потерпевшему особые мучения и страдания⁸. Так, Н. И. Панов утверждает, что особо жестокий способ совершения убийства указывает на те приемы и методы, которые применяет лицо при осуществлении преступного намерения, и имеет своим функциональным значением «обеспечить» выполнение определенной цели (причинить особые мучения и страдания)⁹. С ним выражает свое согласие Г. И. Чечель, указывая, что, совершая убийство особо жестоким способом, виновный, бесспорно, должен знать, что причиняет жертве особые мучения или страдания, и желает лишить потерпевшего жизни именно таким способом. И этот способ действия должен быть избран виновным специально с целью причинения особых мучений и страданий¹⁰.

В законе достаточных оснований того, что преступление с особой жестокостью может быть совершено только с прямым умыслом, не содержится. Ограничений для квалификации убийства, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью с особой жестокостью в уголовном законе нет. Более того, вопрос о цели может ставиться в уголовном праве лишь в том случае, если она является од-

ним из обязательных условий уголовной ответственности, либо влияет на квалификацию преступления, но такой цели, как «причинение потерпевшему особых страданий или мучений» также в уголовном законе не содержится.

Показательно, что правоприменительная практика при вынесении решений не рассматривает в качестве обязательного признака установление специальной цели — причинение особых страданий. Из проанализированных нами судебных решений ни в одном из них не встречается указание суда на наличие данной цели.

Поэтому, учитывая, что особая жестокость используется законодателем без указания на вид умысла и специальную цель в различных по конструкции составах преступления, субъективное отношение виновного к факту проявления им особой жестокости может быть раскрыто только в рамках того умысла, с которым он совершал преступление.

Третья группа ученых основывается на том, что сама постановка вопроса о виде умысла в отношении особой жестокости неправильна. Представители данной точки зрения отмечают, что субъективное восприятие виновного, действующего с особой жестокостью, наиболее адекватно отражает выражение о том, что виновный осознавал причинение жертве особых страданий¹¹. Так, К. Садреев и И. Мухамедзянов утверждают, что умысел предполагает осознание виновным всех фактических обстоятельств деяния, характер своих действий и их последствия. Выделять отдельно виды умысла в отношении каких-либо фактических обстоятельств, в том числе и способа совершения преступления, особо жестокого характера действий, неверно. Поэтому авторы делают вывод о том, что для квалификации содеянного, применительно к убийству с особой жестокостью, достаточно установить, что виновный сознавал, что он совершает убийство с особой жестокостью¹².

Такой научный подход к содержанию субъективной стороны преступления, совершенного с особой жестокостью, находит наиболее полное отражение в правоприменительной практике. Так, из проанализированных нами судебных решений в 45,5% случаях наличие вины суд связывает только с доказанностью того, что «подсудимый осознавал, что своими действиями причиняет потерпевшему особые страдания».

Мы полагаем, что последняя, третья из предложенных позиций наиболее адекватно отражает и практически подтверж-

дает, что субъективное восприятие виновного, действующего с особой жестокостью при совершении преступления, должно отражать осознание того, что его деяние причиняет особые страдания потерпевшему.

В законе говорится об отношении виновного лица лишь к деянию и его последствиям, однако умалчивается об отношении виновного к другим признакам преступления, таким как способ, время, место, обстановка и иные объективные признаки совершаемого преступления. Но это не означает, что применительно к умыслу виновного они не имеют никакого значения. Осознание лицом общественно опасного характера своих действий (бездействия) включает в себя понимание социального значения всех фактических обстоятельств совершаемого деяния, которые, будучи включенными законодателем в объективную сторону преступления, содержат дополнительную характеристику действия или бездействия, становятся их индивидуальными фактическими признаками.

Применительно к преступлениям, совершенным с особой жестокостью, такими фактическими обстоятельствами выступают данные, свидетельствующие о причинении виновным особых страданий потерпевшему, которые и должны им осознаваться, то есть охватываться его умыслом.

Важно в этой связи отметить, что на сегодня существует потребность в выработке единых и универсальных подходов в определении и установлении особой жестокости.

Особая жестокость законодателем учитывается в качестве квалифицирующего признака как в материальных, так и в формальных составах преступления. Более того, она закреплена в уголовном законе в качестве отягчающего наказания обстоятельства, поэтому особая жестокость может найти свое отражение при совершении фактически любого преступления. В связи с чем в правоприменительной практике будут возникать новые вопросы, в том числе и об установлении субъективного отношения виновного к данному признаку.

Таким образом, считаем, что субъективное отношение виновного к особой жестокости при совершении преступления характеризуется осознанностью причинения особых страданий как обязательный признак содержания вины. При этом данную формулировку следует рассматривать в качестве определенного рода универсального шаблона в установлении содержательного компонента вины независимо от конструкции состава преступления, разновидности преступления, при совершении которого проявилась особая жестокость.

Примечания

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. — 1999. — № 24. — 09 февр.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2004. — № 136. — 29 июня.
3. Всего было изучено 11 приговоров судов общей юрисдикции Российской Федерации, в которых лица признавались виновными в совершении умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью с особой жестокостью, содержащие судебную аргументацию в части вменения указанного признака, выложенные на сайте «СудебныеРешения.рф» за период с 1 июля 2011 по 18 октября 2013 года. Выбор данной категории дел обусловлен тем, что в настоящий момент отсутствуют официальные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам об умышленном причинении вреда здоровью различной степени тяжести. Выбор указанного периода для анализа судебных решений по всей территории Российской Федерации обусловлен вступлением в силу с 1 июля 2010 г. Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ», обязывающий публиковать на сайтах судов почти все выносимые ими решения, приговоры и иные акты. URL: <http://судебныерешения.рф/advanced/search> (дата посещения — с 07.03.2013 по 18.10.2013).
4. Следует отметить, что условность вызвана тем, что мнения авторов по интересующему нас вопросу высказаны относительно отдельных составов преступления, где особая жестокость законодателем воплощена в качестве квалифицирующего признака, а не в целом к особой жестокости, которая может проявляться при совершении различного рода преступлений.
5. См.: *Бородин С. В.* Преступления против жизни. — М., 1999. — С. 141; *Тишкевич С. В.* Квалификация преступления против жизни. — Минск, 1991. — С. 47; *Кондрашова Т. В.* Проблемы уголовной ответственности за преступления

- против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2000. — С. 85.
6. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2000. — С. 85.
7. См.: Бородин С. В. Преступления против жизни. — М., 1999. — С. 141; Бородин С. В. Значение субъективной стороны убийства с особой жестокостью для его квалификации // Социалистическая законность. — 1986. — № 8. — С. 47—49.
8. См.: Красиков А. Н. Ответственность за убийство по советскому уголовному праву. — Саратов, 1999. — С. 68; Беляев В. Г., Свидлов Н. М. Вопросы квалификации убийств. — Волгоград, 1984. — С. 26; Изотов Н. Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера : дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2000. — С. 130.
9. См.: Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. — Харьков, 1982. — С. 22.
10. См.: Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — Нальчик, 1991. — С. 22.
11. См.: Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. — СПб., 1998. — С. 16; Кругликов Л. Л. Преступления против личности. — Ярославль, 1998. — С. 21.
12. См.: Садреев К., Мухамедзянов И. О квалификации умышленных убийств, совершенных с особой жестокостью // Социалистическая законность. — 1981. — № 10. — С. 53.

References

1. Andreeva L.A. Kvalifikatsiya ubiystv, sovershennykh pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh [Qualification of murders committed with aggravating circumstances]. St. Petersburg, 1998. 56 p.
2. Belyaev V.G., Svidlov N.M. Voprosy kvalifikatsii ubiystv [Qualification of murders]. Volgograd. Izdatel'stvo VSSh MVD SSSR Publ., 1984. 60 p.
3. Borodin S.V. Znacheniye sub»ektivnoi storony ubiystva s osoboi zhestokost'yu dlya ego kvalifikatsii [The value of the subjective aspect in the murder committed with extreme atrocity for its qualification]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1986, No. 8, p. 47-49.
4. Borodin S.V. Prestupleniya protiv zhizni [Crimes against life]. Moscow. Yurist" Publ., 1999. 356 p.
5. Kondrashova T.V. Problemy ugovovnoi otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni, zdorov'ya, polovoi svobody i neprikosnovennosti [The problems of criminal responsibility for crimes against life, sexual freedom and integrity]. Yekaterinburg. University of humanities, 2000. 108 p.
6. Izotov N.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za nasil'stvennye deistviya seksual'nogo kharaktera [Criminal liability for sexual assault]. Master thesis, Law. Stavropol, 2000. 163 p.
7. Krasikov A.N. Otvetstvennost' za ubiystvo po sovetskomu ugolovnomu pravu [Responsibility for the murder in the Soviet criminal law]. Saratov, 1999.
8. Kruglikov L.L. Prestupleniya protiv lichnosti [Crimes against a person]. Yaroslavl. YarGU, 2010. 591 p.
9. Mukhamedzyanov I. O, Sadreev K. Kvalifikatsii umyshlennykh ubiystv, sovershennykh s osoboi zhestokost'yu [On qualification of murders committed with extreme atrocity]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1981, No. 10, p. 52-53.
10. Panov N.I. Sposob soversheniya prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost' [The method of the crime commission and criminal liability]. Kharkov. Vishcha shkola Publ., 1982. 161 p.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court as of January 27, 1999 No. 1 «On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)». *Rossiiskaya gazeta*, 1999, No. 24, February 9.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court as of June 15, 2004 No. 11 «On judicial practice in cases involving crimes provided by Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation». *Rossiiskaya gazeta*, 2004, No. 136, June 29.
13. Tishkevich S.V. Kvalifikatsiya prestupleniya protiv zhizni [Qualification of crimes against life]. Minsk, Izdatel'stvo MVShM MVD SSSR Publ., 1991. 78 p.
14. Chechel' G.I. Zhestokii sposob soversheniya prestuplenii protiv lichnosti [Atrocious way of committing crimes against the person]. Nalchik, 1991. 240 p.
15. There were studied 11 verdicts of courts of general jurisdiction of the Russian Federation in which individuals were found guilty of intentional infliction of severe or moderate bodily harm with extreme atrocity containing judicial reasoning regarding the imputation of this attribute posted on the website «SudebnyeResheniya.rf» for the period from July 1, 2011 till October 18, 2013]. Vybora dannoi kategorii del obuslovljen tem, chto v nastojashchii moment otsutstvujut oficial'nye raz#jasnenija Plenuma Verhovnogo Suda RF o sudebnoj praktike po delam ob umyshlennom prichinenii vreda zdorov'ju razlichnoj stepeni tjazhesti [The choice of this type of

case is determined by the fact that at the moment there are no official explanations of the Plenum of the Supreme Court on judicial practice in cases of intentional infliction of injury of varying atrocity // <http://sudebnyeresheniya.rf/advanced/search> (07.03.2013 - 18.10.2013).

МЕНШИКОВА Анна Геннадьевна, старший преподаватель кафедры уголовного права, Уральская государственная юридическая академия. 620137, г. Екатеринбург, улица Комсомольская, 21. E-mail: menshikova_anna@mail.ru

MENSHIKOVA Anna, senior lecturer of the Department of Criminal Law of the Ural State Academy of Law. Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Ural State Law of Academy» (USLA), 21, Komsomolskaya Str., 620137, Sverdlovsk region, Ekaterinburg. E-mail: menshikova_anna@mail.ru

